

**Богомолов Олег
Тимофеевич** —
академик РАН

** Источник:
Богомолов О. Т. *Время
перемен // Глобальная
экономика
и жизнеустройство на
пороге новой эпохи. К юбилею
академика О. Т. Богомолова.
Научное издание. М.:
Анkil, 2012. С. 13–38.**

Эпоха глобальных перемен*

Глобализация как проявление масштабных цивилизационных перемен

Термин «глобализация» оказался наиболее адекватным новой фазе в развитии мирового хозяйства и мирового рынка, в которую они вступили в конце XX и начале XXI в. Он характеризует наиболее впечатляющее проявление макросдвига в развитии человечества и перехода к новому состоянию жизнеустройства. Будучи в первую очередь объективным следствием технического прогресса, вступающего в фазу очередного шестого технологического уклада с его информационной, энергетической, биотехнологической, нанотехнологическими и транспортной революциями, глобализация открывает масштабные возможности улучшения жизни людей. Благодаря вовлечению стран в этот процесс его участники сокращают издержки производства, расширяют ассортимент и повышают качество потребляемых товаров, снижают их цены, получают лучший доступ к достижениям науки, техники и культуры, рационализируют размещение ресурсов и производства в мировом масштабе. Но одновременно глобализация порождает трансформационный кризис, когда сложившиеся формы жизнеустройства и миропорядка сталкиваются с вызовами новой эпохи.

Неотвратимое и усиливающееся развитие глобализации связывает и переплетает экономическую, социальную и культур-

ную жизнь народов планеты, превращаясь во всеохватывающий процесс. Суть его удачно отражена в книге Давида Хельда, Антони Мак Брю и Давида Гольдблатта «Глобальная трансформация. Политика. Экономика. Культура». «Глобализация, — пишут они, — может быть определена как ускоряющийся процесс расширения и углубления взаимосвязанности стран мира во всех сферах современной общественной жизни — от культуры до преступности, от финансов до духовности»¹.

Несомненно, ведущая роль в этом всеохватывающем процессе принадлежит экономической глобализации, международному разделению труда, небывалому размаху международной торговли товарами, услугами, капиталами, правами собственности, в том числе интеллектуальной. Количественный рост международных обменов разнообразными благами, миграция трудовых ресурсов приобрели новое качество в экономической и культурной жизни отдельных стран мира, особенно развитых, став важным фактором их прогресса. Но одновременно и сложных проблем, требующих решения.

По данным Международного валютного фонда, среднегодовые темпы роста мирового ВВП за период 1970–2006 гг. составляли 4,8%, тогда как оборот мировой торговли товарами и услугами возрастал в среднем на 8% (ВВП рассчитывался по ППП). Двукратное опережение роста мировой торговли в сравнении с темпом увеличения мирового ВВП было нарушено с наступлением глобального экономического кризиса, который привел к сокращению объема мировой торговли в 2009 г., но уже в 2010 и 2011 гг. вновь возобновилась

тенденция опережения торговлей темпов роста мирового ВВП.²

Приведенные данные позволяют констатировать, что все большая доля произведенных в мире товаров и услуг предназначается не для потребления и использования внутри отдельных стран, а для международного обмена. Другими словами, национальные экономические системы все больше вовлекаются в международные торговые связи, увеличивая свою взаимозависимость и зависимость от конъюнктуры мирового рынка.

О степени вовлеченности национальных экономик и всего мирового производства в международный обмен дает представление отношение стоимости годового экспорта к годовому ВВП. Строго говоря, это условный индикатор, поскольку числитель и знаменатель не идентичны по содержанию: экспорт товаров и услуг отражает их полную стоимость, а ВВП — только вновь созданную за год стоимость. Тем не менее он позволяет судить о ходе глобализационного процесса. По подсчетам известного американского статистика Агнуса Меддисона, в 1820 г. отношение стоимости мирового экспорта к мировому ВВП составляло не более 2%, в 1900 г. — 4%, в 1950 г. — 11%, в 2000 г. — 24%. По данным МВФ, в 2010 г. это соотношение достигло 30%, а в 2011 г. — около 32%. Любопытна детализация этого показателя по регионам и странам. Так, в группе развивающихся стран этот показатель с 1995 по 2008 г. возрос с 26 до 52%, в том числе у стран Юго-Восточной Азии — с 62% до 100%, в группе развитых стран — с 22 до 28%, в том числе в Европейском союзе с 30 до 55%, Канаде — с 32 до 48%, Японии — с 10 до

13%, США — с 7 до 10%. В Бельгии он превышал 80%, Нидерландах — 65%, России — 13%.

Суть качественного сдвига проявляется в том, что участие стран в мировой торговле достигло такого уровня, когда мировой рынок уже перестает быть дополнением к их внутреннему, а становится необходимым условием развития национальных хозяйств, а в ряде случаев главным фактором экономического роста.

Но этим еще не все сказано. О качественном изменении экономического взаимодействия и взаимозависимости стран свидетельствуют беспрецедентные масштабы и темпы вывоза капиталов и торговли правами собственности. Глобальные финансовые ресурсы выросли за 1980–2008 гг. в 12 раз, втрое больше, чем мировой ВВП. Рост оборотов на международном фондовом и валютном рынках намного опережает рост мировой торговли. Ежедневные суммы денежных транзакций (валютный и процентный арбитраж) между странами возросли с 80 млрд долларов в 1980 г. до 2 трлн долларов в 2008 г. Кроме того, происходят массивные перетоки из страны в страну краткосрочных капиталов, межбанковских кредитов, акций и облигаций, платежей, связанных со слиянием и поглощением. Имущественные отношения и взаимозависимость даже прочнее, чем обмен товарами и услугами, переплетают экономики стран мира.

Интернационализация производства и обмена приобретает новые качественные черты под влиянием стремительного развития транснациональных корпораций (ТНК), которые превратились в ведущее структурное звено гло-

бализационного процесса. Крупные, а в последние годы средние и мелкие материнские компании основывают свои филиалы в других странах мира, контролируя и направляя их производство сообразно своим интересам. Штаб-квартиры большинства ТНК находятся в США, ФРГ, Японии, Франции, Канаде и других промышленно сильных государствах. Но и догоняющие их в экономическом отношении государства, как Индия, Китай, Бразилия, Россия (страны БРИК), создают свои ТНК.

В 2006 г. насчитывалось 80 тыс. ТНК и 780 тыс. их иностранных филиалов, наибольшее число филиалов приходилось на Китай (более 42 тыс.). К этому нужно добавить значительное число межфирменных соглашений и альянсов, которые предусматривают тесное взаимодействие в производстве и коммерческой деятельности между сохраняющими имущественную самостоятельность партнерами. С 1990 по 2005 г. число ТНК удвоилось, а их филиалов — учетверилось. И можно ожидать подобных темпов их образования в будущем. На ТНК и их филиалы приходится ныне более одной трети мирового товарного экспорта, завтра это может достичь двух пятых. Внутрифирменная торговля между подразделениями ТНК осуществляется по особым ценам, отличающимся от рыночных. Каковы последствия этого процесса транснационализации?

Роль ТНК в глобальной экономике и их будущее оцениваются неоднозначно. Они, несомненно, способствуют развитию производительных сил на нашей планете и выравниванию уровня развития отдельных стран, перенося современные производства в периферийные и бедные страны мира и обучая их рабо-

чую силу. Но, с другой стороны, их деятельность нередко вступает в противоречие с национальным суверенитетом стран, в которых они обосновываются, ухудшают там экологическую обстановку, порождают социальные проблемы. Благодаря деятельности ТНК, складываются международные производственные системы, участниками которых становятся многие страны. Яркий пример — серийный выпуск современных гражданских авиалайнеров «Эйрбас» — плод специализации и кооперации Франции, Германии, Великобритании, Испании в изготовлении отдельных узлов этих самолетов, а также в проектировании и разработке их новых типов. Финальная сборка и комплектация лайнеров совершается на заводе в Тулузе (Франция).

В прошлом специализация предприятий на изготовлении узлов, деталей, различных компонентов ограничивалась обычно пределами одной страны, где и собирались на конвейере готовые изделия — автомобили, самолеты, суда и т.д. Внутри страны легче и надежнее было обеспечить своевременную доставку компонентов для массового конечного выпуска продукции. В век глобализации это стало возможным в рамках международных систем, которых становится все больше и больше. При этом выигрывает качество и конкурентоспособность, а также сроки освоения новых, особенно массовых видов продукции. Конечная сборка может совершаться не только в развитых, но и в развивающихся странах.

Филиалы ТНК используют в своем производстве технологии, части и компоненты от материнских компаний. Об этом свидетельствуют объемы импорта

частей и компонентов. В 2003 г. Китай их ввез на 105 млрд долларов, Сингапур — на 50, Тайвань — на 56, Южная Корея и Филиппины — каждая на 36. В стоимости вывоза соответствующих готовых товаров из Китая такой импорт составлял $\frac{1}{3}$, из Сингапура — $\frac{1}{2}$, из Филиппин — почти $\frac{2}{3}$. Многие материнские ТНК используют компоненты и детали, производимые их филиалами или кооперантами в других странах. Это удешевляет стоимость конечного продукта.

Основным инструментом экспансии ТНК и укрепления их конкурентных позиций служат прямые иностранные инвестиции (ПИИ), позволяющие создавать в других странах филиалы как путем строительства новых предприятий, так и приобретения в полную или частичную собственность существующих. Накопленный за многие годы объем ПИИ в 2007 г. достиг 15 трлн долларов, тогда как в 1982 г. он составлял 789 млрд долларов, то есть за 25 лет увеличился в 19 раз. Удельный вес ПИИ в создании основных фондов всех стран мира достигал в 2006 г. 13%, в ЕС — 18% а в мировой обрабатывающей промышленности — 22% (1999), в развивающихся странах (без КНР) — 16%. Промышленно развитые страны экспортируют капитал прежде всего друг другу, все более интегрируя тем самым свои национальные рынки. В мировом объеме прямых зарубежных инвестиций на долю промышленно развитых стран приходится более 70%, на развивающиеся — менее 30%.

Основываясь на опыте последних двух десятилетий, нетрудно предположить, что роль ТНК в мировой экономике будет возрастать и в дальнейшем,

сопровождаясь обострением конкурентной борьбы между ними. Но разрешение конфликтов и соперничества скорее будет приводить не к устранению одной из сторон, а к достижению договоренности о той или иной форме сотрудничества, слияния с конкурентом или поглощении его путем выкупа. Кроме того, мировое сообщество продолжает предпринимать усилия по выработке кодекса поведения и этических правил для ТНК, чтобы сдерживать их своекорыстие и антисоциальные устремления и ограничить вмешательство во внутреннюю политику других стран. Преодоление последствий глобального кризиса может способствовать прогрессу в этом направлении.

Новое качество состоянию мировой экономики придает возникновение глобальных проблем, с которыми сталкивается человечество и которые не поддаются решению отдельными странами, а требуют их общих усилий. Это не только сохранение окружающей среды и противодействие потеплению климата, но и борьба с эпидемическими болезнями, обеспечение растущего населения Земли продовольствием, энергетическими ресурсами, питьевой водой, преодоление бедности и экономической отсталости многих стран и народов, недопущение применения оружия массового уничтожения и мировых войн, борьба с терроризмом. К этому нужно добавить и предотвращение новых разрушительных глобальных экономических кризисов, подобных последнему, который все еще дает о себе знать губительными последствиями.

Высокая степень экономической взаимозависимости, гигантские нерегулируемые перетоки капиталов, в том

числе спекулятивных, делают все страны мира уязвимыми в случае экономических потрясений в ведущих державах. Нынешний глобальный кризис был спровоцирован глубоким расстройством кредитно-финансовой и производственной системы США, которое перекинулось на другие страны, вызвало глобальное экономическое потрясение. Тем самым была продемонстрирована опасность и неуправляемость глобальной взаимозависимости национальных хозяйств, хрупкость мировой валютной и кредитной системы, острое столкновение экономических интересов отдельных стран.

Лидирующую роль в глобальной системе играет небольшое количество государств — США, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония. Они и определяют политику ключевых межгосударственных организаций, им в первую очередь достаются плоды экономической глобализации. Остальные страны вынуждены принимать установленные ведущими державами правила и механизмы глобализации. Односторонние ее преимущества затрудняют гармоничное развитие мировой экономики, оставляют целый ряд стран и регионов на периферии прогресса и даже вне его сферы. Это питает антиглобалистское движение общественности, ставит на повестку дня вопрос о перестройке международного экономического порядка, чтобы минимизировать неблагоприятные для ряда стран его последствия и обеспечить справедливое распределение выгод глобализации, а также предотвратить очередные глобальные экономические потрясения.

Но и для промышленно развитых государств, больших и малых, процесс

глобализации открывает не только дополнительные возможности развития, но и представляет серьезные вызовы, на которые предстоит найти ответы.

Влияние глобального кризиса на общественную мысль

Глобальный кризис обозначил проблемные стороны существующей системы хозяйствования, основанной на неолиберальной идеологии. Приходит время задумываться над тем, как он скажется на культурном и духовном наследии земной цивилизации, к каким сдвигам в человеческом жизнеустройстве приведет. Станет ли человечество мудрее, сделав выводы из охвативших мир экономических потрясений? И готовы ли теоретики и политические лидеры учиться на опыте нынешнего самого глубокого за послевоенное время кризиса? Ведь дело не сводится только к оздоровлению глобальной экономики и финансов. В преодолении кризиса и недопущении его повторения многое будут определять господствующие в ведущих странах мира идеологические доктрины, государственная политика, состояние общественного сознания, профессионализм и добросовестность работников управленческого аппарата, дееспособность демократических институтов. Нельзя также недооценивать исключительно важную роль науки, образования, духовно-нравственного климата в обществе, творческого потенциала и общей культуры интеллектуальной элиты. Какие перемены назревают в неэкономических сферах общественной жизни и как они отражаются в политической мысли?

Когда происходит какая-то катастрофа — разбивается самолет или вспыхивает большой пожар, то в первую очередь все бросаются на помощь пострадавшим, спасатели гасят пламя. А затем возникает вопрос: как отыскать «черный ящик», который объяснит причины катастрофы и гибели людей? В такой «черный ящик» надо заглянуть и нам сегодня, для того чтобы понять причины тяжело переживаемого людьми экономического кризиса, а главное — предупредить возникновение подобных ситуаций в будущем. Это нелегкая задача.

Сегодня ситуация заставляет переосмысливать сложившиеся взгляды, и даже из стана убежденных либералов и ультралибералов (они остаются весьма влиятельными) все громче раздаются критические голоса. Предпринимаются попытки разобраться в ситуации, в том числе и в том, насколько в возникновении сегодняшних кризисных проблем виновата экономическая наука и теория. В этом отношении показательна публикация английского еженедельника «The Economist» — одного из самых авторитетных в мире изданий по освещению и анализу экономических проблем разных стран, но главным образом, естественно, американской, английской и европейской экономики. Журнал известен своими либеральными, можно даже сказать — ультралиберальными взглядами, обоснованием и пропагандой либерализации международных связей и отказа от регулирующих мер государства. В соответствии с этой господствующей до последнего времени экономической идеологией, так называемым мейнстримом экономической мысли, равновесие должно устанавливаться самим рынком, тут

не нужно никакого дополнительного воздействия.

Июльский 2009 г. номер «The Economist» поместил на обложке изображение тома «Современной экономической теории», а ниже надпись крупным шрифтом: *«Что в ней ошибочно и как кризис меняет ее»*. В публикациях этого номера утверждается, что два центральных раздела экономической науки — макроэкономика, изучающая функционирование экономики страны в целом и такие общие процессы и явления, как инфляция, безработица, экономический рост и тому подобное, и экономика финансов как один из разделов макроэкономики — подлежат сегодня *«оправданному и серьезному пересмотру»*.³ Прочестъ на страницах этого журнала подобные слова — настоящая сенсация, которую некоторое время тому назад трудно было даже предвидеть.

Но призывы к переосмыслению теории, описанной во всех американских учебниках (да и в наших учебниках она тоже присутствует), слышны и от авторитетных ученых, в том числе от лауреатов Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица (2001) и Поля Кругмана (2008). Так, Поль Кругман отмечает, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем просто вредна». В своей последней книге Джозеф Стиглиц усматривает истоки глобального кризиса в том же дерегулировании, которое подогревали рыночный фундаментализм и Уолл Стрит.⁴ Он констатирует несостоятельность академической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма. По мнению известного американского экономиста Барри Айхенгрина, кризис

подверг сомнению многое из того, что мы думали и знали об экономической науке. Конечно, подобные высказывания разделяются не всеми аналитиками на Западе и подвергаются сомнению со стороны ряда авторов и рецензентов. Время покажет, кто был прав.

Российская власть в своих экономических реформах руководствовалась макроэкономикой именно американского покроя, на которую нацеливали Е. Гайдар, А. Чубайс и другие реформаторы. И эти реформы завели российскую экономику в тупик. Они не были случайным выбором, поскольку имели своих заинтересованных проводников, стремящихся к быстрому обогащению. Поэтому, извлекая уроки из глобального и российского кризиса, нелишне было бы прислушаться к призывам нобелевских лауреатов переосмыслить некоторые догмы и устоявшиеся представления экономической теории. *По-моему, переоценка ультралиберальных рецептов составляет один из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода.* В таких условиях дерегулирование, упование на невидимую руку рынка все явственнее демонстрируют свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты. Начиная с Джона Майнарда Кейнса, выдвигались альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы.

Сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впро-

чем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. «Рыночный фундаментализм laissez-faire последних 20 лет драматически провалил экзамен», — говорится в докладе ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультilaterальные средства лечения».⁵

В октябрьском 2008 г. номере еженедельника «Экономист» иронизирует по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Николя Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках.⁶ Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 г. Н. Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель. А что касается К. Маркса, то тут ирония едва ли уместна. Его труд действительно помогает разобраться в причинах периодических кризисов. В нем говорится, что в погоне за увеличением доходов предприниматели и банкиры прибегают к расширенному кредитованию экономики, чтобы стимулировать спрос. Деньги ссужаются под залог недвижимости, под накопленное за многие годы имущество, которое может быть в цене, а потом подешеветь, и тогда кредиты окажутся необеспеченными, а банки банкротами. Кризис банковский перерастает в промышленный. Что и произошло ныне в США и затем перекинулось на другие страны. Так что мудрость порой полезно искать и в выводах ученых прошлого.

То же издание вскоре помещает специальный доклад «Когда фортуна nahmuriла брови», в котором допускает перемены в капиталистическом миро-

устройстве. В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англо-саксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается, причем не только в сфере финансов».⁷ «Уолл Стрит, — говорится далее, — оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали».⁸ «Больше, чем в новом капитализме, — подчеркивается в заключении доклада, — мир нуждается в новом мультilaterализме».⁹ За этим мудреным словом скрывается допустимость, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики, в которых на государство возлагается большая регулирующая роль.

Одной из таких моделей является «государственный капитализм», реализуемый в Китае¹⁰. Ян Бреммер в книге «Конец свободного рынка: кто выигрывает войну между государством и корпорациями»¹¹ и Стефан Халпер в работе «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель может стать доминирующей в XXI веке»¹² отмечают, что многие государства (от Латинской Америки до Среднего Востока) склонны подражать Китаю.

Китай, действительно, ведет разработку собственной модели развития, называя ее социалистическим гармоничным обществом. И эта модель призвана сочетать цивилизованные рыночные

отношения с социальной справедливостью на основе регулирующей роли государства.

В одной из недавних своих публикаций «Идеологический кризис западного капитализма» Джозеф Стиглиц пишет, что «финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Совсем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике или по крайней мере Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать».¹³

Стоит сослаться еще на одного автора — известного французского экономиста и государственного деятеля Жака Аттали. В новой книге «Мировой экономический кризис. А что дальше?» он пишет: «Человечество вползло в депрессию планетарного масштаба, пожалуй, самую тяжелую ныне за последние 80 лет... Это одновременно кризис социальный, идеологический и политический, обнаживший несостоятельность неолиберальных концепций, которые носят недемократический характер». И в другом месте: «Либеральная идеология на службе ничтожного меньшинства, особенно если учесть, что в конце 2008 года, как, впрочем и в предыдущие годы, многие миллиарды долларов пошли на бонусы банкирам. А ведь идеология должна отражать интересы и самых бедных людей, и будущих поколений... Небольшая группа людей, не производящая богатств, захватывает... безо всякого контроля со стороны, важнейшую часть произведенных мировых ценно-

стей. А потом она же, разграбив все, что можно, заставляет расплачиваться за свои неслыханные прибыли, премии, надбавки и бонусы налогоплательщиков, трудящихся по найму, потребителей, предпринимателей и вкладчиков, подталкивая государства изыскивать в течение нескольких дней огромные суммы для латания дыр».¹⁴

Похоже, что в мировом сообществе уже приступают к «работе над ошибками», и в целом ряде стран начат поиск новой парадигмы постиндустриального развития. К европейцам это относится в первую очередь, особенно к северным странам, которые давно практикуют то, что называют моделью государства благосостояния или социально ориентированной рыночной экономикой, как в Германии. Эти новые видения и концепции там уже прижились и во многом оправдали себя, хотя либералы утверждают, что это всего лишь временное явление и скоро наступит возврат к прежнему пониманию рыночной модели экономики. Можно предположить, что приверженцы англо-саксонской модели (США, Великобритания) предпочтут ограничиться частичной корректировкой существующей системы, тогда как континентальная Европа продолжит поиск новой парадигмы постиндустриального развития.

В связи с уроками, которые вытекают из глобального кризиса, важно подчеркнуть, что они не ограничиваются мерами, которые смягчают остроту проблем или временно помогают наиболее сильно затронутым слоям населения пережить этот период. Надо думать о глубинных причинах, о том, как исправить сам курс развития, стратегию продвижения вперед.

Мне представляется, что ряд политических деятелей и ученых начинает под влиянием кризиса намечать стратегические перемены в этих областях. Президент США Барак Обама, в частности, заявил: «Мы дадим людям работу на строительстве школ, лабораторий, библиотек, чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире». Это не сиюминутная, не текущая задача. Это цель — путем финансирования и строительства инфраструктуры в стране создать новые рабочие места, но главное — повысить уровень образования, развить интеллектуальные способности граждан, особенно молодежи и творческой части населения. Все это — ради будущего. Реформа школьного образования, призванная существенно повысить его качество во всех штатах страны, находится на повестке дня в деятельности новой президентской администрации. Выступая в Национальной академии наук в 2010 г., президент США подчеркнул: «Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни». И это тоже задача на будущее: ведь отдача от науки, которую надо поддерживать в течение ряда лет, будет получена не сегодня. Это будут затратные годы, когда американцы станут вкладывать деньги, не имея сразу никаких дивидендов. Но с точки зрения решения стратегических задач это самые эффективные вложения, потому что они дают уверенность в будущем бурном развитии экономики и возможности преодолевать спады и кризисы.

Если глобальный кризис побуждает думающих людей в Америке и Европе

к переосмыслению привычных постулатов так называемого мейнстрима общественной мысли, то, очевидно, и российскому обществу предстоит извлечь уроки из кризиса и определить новые стратегические ориентиры.

В центре предстоящего переосмысления, несомненно, находится вопрос о роли государства. Он имеет особую идеологическую значимость, как в западном мире, так и у нас. С начала 1990-х гг. архитекторы российских реформ добивались ухода государства из экономики и не терпели никаких контраргументов. В результате самый действенный рычаг преобразований — государственный механизм управления и соблюдения порядка — оказался в России разлаженным, недостаточно компетентным, разъеденным коррупцией, лишенным «иммунной» системы, очищающей его от пороков и пугающей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления очевидна. Тем более что российский частный бизнес в большинстве своем оказался скомпрометирован ненасытной жадностью, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением национальными интересами и порядком, а нередко и сращиванием с криминалом. Может ли он стать ведущей силой в модернизации страны? Маловероятно.

Начинать, видимо, нужно с идеологического обновления, нравственного оздоровления общества и приведения в порядок всех звеньев государственного аппарата. В политике и общественном сознании должна быть утверждена идея укрепления государственности как основы модернизации страны, а государственные органы необходимо

очистить от бюрократизма, коррупции, непрофессионализма.

Пока же российская элита, наш политический класс неадекватны вызовам постиндустриальной эпохи. Конституционная норма, определяющая Россию как социальное государство, не конкретизирована и остается далеким от практики благим пожеланием, а соображения научного сообщества на этот счет игнорируются властью. Общество лишено ориентиров развития, не получает ответов на важнейшие вопросы: «Какая форма демократии будет у нас реализована? К какой социально-экономической формации страна придет в результате проводимых реформ? И что это даст народу?» Отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране. Едва ли дикие формы российского капитализма способны воодушевить людей, сплотить общество, создать основу стабильного экономического развития. И если даже такой признанный в мире цивилизованного капитализма западного типа авторитет, как Джозеф Стиглиц, поглощен раздумьями о «Третьем пути между сегодняшним глобальным капитализмом и вчерашним скомпрометированным социализмом»¹⁵, то и отечественным специалистам тем более не мешало бы озаботиться аналогичными размышлениями.

Весь опыт мирового исторического развития убеждает в том, что реформы, в которые не верит население, обречены на провал. А опыт России последнего 20-летия показывает, что вера населения в начинания властей не может быть обеспечена телевизионным пиаром. «В обещания я не верю», — пел

Андрей Макаревич, солист популярнейшей в 1980-е гг. в молодежной среде группы «Машина времени», отражая настроения, господствовавшие в то время у миллионов думающих людей страны. Теперь подобные мысли не излагают в песнях — они стали банальностью, лозунгами на многотысячных митингах.

В то же время регистрируемые социологическими опросами подавленность психики значительной массы населения, зримое отсутствие социальной справедливости, бесперспективность будущего, учащающиеся катастрофы и бедствия, нарастающие межнациональные конфликты, террористические акты — все это ограничивает созидательную энергию народа. Население накапливает раздражение, злость, разрушительную энергию. Это касается не только малоимущих слоев, но и средний класс, предпринимателей, стремящихся заниматься реальным производством. Бюрократия, коррупция, чиновничий произвол все чаще приводят данную категорию граждан к убеждению, что «реальное производство в этой стране невозможно», что единственный способ обогащения в современной России — «распил» бюджетов с чиновниками. Не случайно исследователи фиксируют в последние годы раскол общественного сознания в стране на две примерно равные по численности сторонников группы, придерживающиеся диаметрально противоположных, взаимоисключающих взглядов на проводимые реформы и политику властей¹⁶, что, несомненно, препятствует модернизации. Ей мешает также общее падение культуры и нравственности в России.

Если население в должной степени не готово поддерживать инициирован-

ные властью реформы, то и политическая элита страны демонстрирует неспособность к глубоким переменам, отсутствие понимания конечных целей преобразований. Более того, подавляющее большинство публичных персон России, воспринимаемых в общественном мнении как власть имущие, ассоциируются со стремлением к безудержному обогащению, с озабоченностью личными делами и пренебрежением к государственным, общественным интересам. Практика последнего 20-летия убедительно показала, что идеология личного обогащения в принципе не может в какой-либо мере способствовать модернизации страны, устойчивому развитию экономики. Таким образом, отсутствие адекватной идеологии и политики стало одной из главных преград на пути возрождения страны.

Во всем мире на государство сегодня ложатся все более ответственные функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов. В России же решение целого ряда неотложных задач требует особого участия государства. Среди первоочередных из них: преодоление опасного имущественного расслоения населения, остановка разорительной инфляции, прекращение масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, пресечение разгула преступности и коррупции, уменьшение безработицы. К этому следует добавить защиту интересов, прав и свобод граждан и многое другое. Словом, социальные функции государства должны занимать все более важное место в идеологии, обосновывающей политику и поддержание гражданского согласия. В этом отношении показательна констатация доклада Международного валютного фон-

да «Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового развития», в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку»¹⁷.

Поиск ответа на вызовы глобальных перемен

К сожалению, большинство государств, включая и Россию, еще не готово сделать выводы из новых реалий. Отсутствует стратегия развития мировой экономики в условиях глобализации. У международных организаций, лидеров ведущих стран, ученых-аналитиков нет перспективного видения того, как использовать преимущества глобализации, одновременно избегая ее опасных последствий. Многие государства стремятся придать национальной экономике открытый характер и более органично включить ее в глобальную систему сотрудничества. Это открывает доступ к знаниям и опыту других обществ, к международным рынкам капиталов и современных технологий, позволяет получать больший эффект от внешнеторгового обмена. Но не менее важно суметь принять вызовы, которые глобализация предъявляет к внутренней и международной экономической деятельности, заставляя ее перестраивать. Они стали источником серьезного беспокойства политиков и бизнесменов, причиной социальной

напряженности, массовых антиглобалистских выступлений.

Будут ли найдены адекватные ответы на негативные стороны глобализации? Пока необходимость этого в полной мере не осознана. Угрозы, сопутствующие глобализации, не ограничиваются утратой государствами части своего суверенитета в проведении экономической и социальной политики, которая делегируется международным организациям. Ущерб от этого, как и от неравномерного распределения выгод, связанных с глобализацией, достаточно ощутим, особенно развивающимися странами. Такого рода проблемы стали предметом обсуждения международной общественностью, однако реакция на них неоднозначна. Для экономически слабых государств это повод настаивать на изменении международного экономического порядка, требовать ликвидации аграрного протекционизма и прекращения субсидирования сельского хозяйства в США и Европе, ставить вопрос о списании своих долгов. Но лидеры ведущих держав склонны видеть в том, что не устраивает менее развитые страны, неизбежную плату за огромные возможности и преимущества, открываемые глобализацией.

Однако до сих пор не найден ответ на то, как должны решаться глобальные проблемы, требующие совместных действий государств мира. В условиях экономической глобализации, казалось бы, эта задача облегчается, но пока принятых мер явно недостаточно. Несомненно, определенная нивелировка уровней развития наблюдается. Вслед за Китаем, Индией, Бразилией наверстывают отставание многие другие государства, переходя в разряд пороговых

между развитыми и развивающимися. Но для немалого числа стран этот разрыв возрастает или преодолевается недопустимо медленно. Глобализация делает все более очевидными и опасными его последствия. Значительные массы людей в Африке, Азии, Латинской Америке продолжают пребывать на грани или за гранью нищеты.

В 2009 г. в мире насчитывалось около 1 млрд человек недоедающих и голодающих, причем кризис увеличил их число. В рамках Мировой продовольственной программы в 2010 г. 90 млн человек в 73 странах получили продовольственную помощь.¹⁸ Однако эта и официальная финансовая помощь международных организаций явно недостаточна для сокращения бедности и экономического отставания. Аграрным странам необходимо в первую очередь увеличивать сельскохозяйственное производство, обучая собственных специалистов и крестьян, используя современную агротехнику, урожайные культуры, продуктивные породы скота и птицы. В удовлетворении этих потребностей многому может способствовать глобализация. Но у нее имеется и другая сторона. Быстро развивающийся бизнес в ряде государств скупает сельскохозяйственные угодья в отсталых странах для производства и последующего вывоза продовольствия. Имеются сведения о том, что поддерживаемые правительствами инвесторы приобрели в разных регионах мира земли площадью чуть ли не в половину территории Европы.¹⁹ Между тем борьба с голодом и недоеданием в отсталых государствах позволяет придать импульс их экономическому росту и благотворно сказаться на всей мировой экономике. Согласно имеющимся

прогнозам, сокращение числа голодающих в мире наполовину к 2015 г. приведет к увеличению мирового ВВП на 120 млрд долларов. Немалый резерв для решения продовольственной проблемы заключен и в снижении потерь продовольствия, которые во многих странах достигают 30–40%.²⁰

Неравномерность экономического развития и поляризация богатства в современном мире имеют опасные социальные последствия. Бедность и нищета, антисанитарные условия жизни, низкий уровень образования и культуры представляют питательную среду для распространения терроризма, эпидемических заболеваний, локальных конфликтов, межплеменных войн, стихийной миграции населения. Многие представители национальной интеллигенции и квалифицированной рабочей силы эмигрируют из бедных стран в поисках лучшей жизни, осложняя процесс национального возрождения. Все это дестабилизирует обстановку в отдельных регионах мира, затрагивает и благополучие золотого миллиарда. Но несмотря на все благие намерения мирового сообщества, адекватного ответа на остроту этой глобальной проблемы пока не найдено.

К не менее грозному вызову глобализации справедливо относят также беспрецедентное ужесточение конкуренции, в условиях которой устоять и выжить становится намного труднее, чем раньше. Конечно, схватки мощных ТНК за сохранение позиций на мировом рынке можно рассматривать как позитивный процесс повышения качества товаров и услуг, снижения цен и рационализации структуры производства в глобальном масштабе. Негативная

сторона проблемы состоит между тем в цене, которую приходится платить производителям и населению за приобретающую все больший накал международную конкуренцию. Снижение издержек и улучшение качества, не говоря уже о рекламе и освоении новых рынков, требуют немалых затрат и жертв. В процесс индустриализации и создания современных производств включаются страны с относительно низким уровнем жизни и оплаты труда. ТНК ведущих держав мира охотно переносят в эти страны трудоемкие и экологически вредные производства, снижая тем самым издержки производства и добиваясь конкурентных преимуществ.

Дешевые товары, сделанные по технологиям и из компонентов головных предприятий ТНК в государствах Азии или Латинской Америки, заполняют рынки США, Европы и других стран. Это сопровождается свертыванием соответствующих собственных производств, ростом безработицы, увяданием порой целых отраслей промышленности, как, например, обувной, швейной и др. Экспортная экспансия из Китая и других стран с дешевой рабочей силой принуждает фирмы и корпорации в США, Канаде, Европе искать пути выживания. Они снижают свои издержки, идя на значительные капиталовложения в новые технологии и совершенствование управления. Не ограничиваясь этим, сокращают персонал, урезают ему социальные гарантии, а иногда и зарплату. Понятно, что это накаляет социальную ситуацию, вызывает массовые протесты. Другой вариант выживания — давление на государственные органы с целью введения тех или иных протекционистских мер в отношении

конкурирующего импорта. Для потребителей это оборачивается ростом цен. Ответ на подобные последствия глобальной конкуренции не может быть простым латанием дыр в расползающейся экономической материи. Закрытие предприятий, безработица, защитительные торговые барьеры и т.п. — все это не снимает проблему, а лишь откладывает ее кардинальное решение. Разорительные издержки конкурентной борьбы все чаще толкают соперников на договоренности о сотрудничестве, на создание альянсов, а также заставляют встать на путь слияния или согласиться на поглощение более слабого сильным. Похоже, что эта тенденция в дальнейшем будет набирать силу.

Требуются стратегические концепции и программы, позволяющие переходить к новым схемам и формам международного разделения труда и сотрудничества, соответственно перестраивая структуру производства в отдельных странах. Дешевый импорт, вытесняющий отечественное производство, будет все труднее сдерживать. Следовательно, индустриальным государствам нужно отказываться от того, что становится бесперспективным, направляя капиталовложения и подготавливая рабочую силу для производств и отраслей, обладающих конкурентными преимуществами. К ним относятся высокотехнологичные и наукоемкие производства, требующие применения квалифицированного труда, особо сложные и качественные услуги, патенты, лицензии, авторские права и т.п. Можно ожидать, что под влиянием вызовов глобализации мировое сообщество ждет существенная и, вероятно, достаточно болезненная реструктуризация экономи-

ческой деятельности, которая не обойдется без пострадавших.

Серьезные различия в материальном положении населения богатых европейских государств, с одной стороны, и периферийных стран Европы и ее североафриканских и ближневосточных соседей, с другой стороны, обостряют проблему международной миграции. В поисках работы и улучшения материального положения многие граждане, проживающие в неблагополучных странах, стремятся уехать на заработки или на постоянное жительство в богатые государства. Глобализация с ее информационной и транспортной революциями, либерализацией торговли и расчетов значительно усилила миграционные процессы. Этому способствовала и острая нехватка в благодеиствующих государствах претендентов на непрестижные и низкооплачиваемые рабочие места.

Несмотря на меры контроля и сдерживания, иммиграция достигла в последнее время таких масштабов, которые стали угрожать привычному образу жизни коренного населения США и многих европейских государств. Только нелегальных иммигрантов в США насчитывается 11–12 млн, несколько миллионов в Европе. Со стремительным ростом числа приезжих из бедных стран, где ниже уровень общей культуры, другая религия, обычаи и нравственность, население развитых государств связывает рост преступности и нарушение правил и традиций повседневной жизни. Это питает национализм и ксенофобию, заставляет правительства ужесточать иммиграционное законодательство, хотя отказаться от привлечения иностранной рабочей силы они не могут. А с дру-

гой стороны, легальные и нелегальные иммигранты устраивают массовые демонстрации и митинги, а иногда и погромы в защиту своих прав.

Ясно, что в перспективе мононациональные государства станут скорее исключением, чем правилом. В большинстве развитых стран увеличатся иммигрантские диаспоры. Внутри некоторых государств будут продолжать существовать национальные автономии. Задача адаптации и интегрирования мигрантов, развития здоровых межнациональных отношений, консолидации общества потребует выработки соответствующей политики и гибких, продуманных законов. Рост миграционных потоков делает необходимым и координацию действий стран, принимающих и направляющих мигрантов. К сожалению, стихийное развитие международной миграции остается одним из вызовов глобализации, на который не найдено стратегического ответа ни в США, ни в ЕС, ни в России.

Такие глобальные проблемы, как энергетическая и экологическая, представляют еще один серьезный вызов, с которым нелегко справиться мировому сообществу. Угрожающие последствия обострения и нерешенности этих проблем проявляются в последние годы все более явственно. Положение дел с обеспечением энергией выдвинулось на первый план. Отставание производства и предложения от спроса на наиболее выгодные виды топлива — нефть и газ — взвинчивает мировые цены на них, подогревает повсеместно инфляцию, замедляет экономический рост. Согласование интересов и координация действий стран-импортеров практически отсутствуют, да и политика постав-

щиков, входящих, например, в ОПЕК, непрозрачна и непредсказуема. Борьба за долговременный и надежный доступ к рынкам нефти и газа накаляет страсти в международных отношениях. Выработка с целью преодоления напряженной ситуации с энергией коллективной стратегии и мер по ее осуществлению была бы разумным ответом мирового сообщества на этот вызов глобализации. Но за рамки благих пожеланий дело пока не вышло.

Поток нефте- и газодолларов, хлынувший в страны — экспортеры топлива, оборачивается для некоторых из них неприятными последствиями. Колоссальные активы платежных балансов, обилие валютных поступлений позволяют этим странам импортировать многое из того, что при собственном производстве обходится дороже. Свертываются традиционные виды промышленного производства, утрачивается часть индустриального и технического потенциала, деквалифицируются ценные кадры инженеров и рабочих. Этот процесс, получивший название «голландской болезни», захватил не только Нидерланды, владеющие газовыми месторождениями в Северном море и экспортирующую газ, но и Россию. В результате заоблачных цен экспортируемого топлива и внутренних радикально-либеральных реформ она также стала жертвой деиндустриализации.

Сверхприбыли экспортного сектора экономики, прежде всего ТЭК, губят, как ни парадоксально это выглядит, многие отрасли российской промышленности, работающие на внутренний рынок. Их делают нежизнеспособными ограниченность внутреннего спроса, отсутствие накоплений, которые из

экспортного сектора уходят за границу, а не инвестируются внутри страны. Низкая, не соответствующая паритету покупательной силы стоимость рубля по отношению к доллару увеличивает конкурентоспособность экспортных отраслей, но удорожает импорт материалов, оборудования, комплектующих деталей, а следовательно, и конечной продукции для отечественного потребителя. Терапия от «голландской болезни» ждет разработки, а болезнь продолжает прогрессировать, обрекая на свертывание многих собственных отраслей.

В условиях глобализации не только приобретает значение усиление конкурентных позиций в отдельных видах производств, но и становится важным фактором международных, в том числе экономических, отношений способность национальной экономики к устойчивому и динамичному развитию, неуклонному повышению благосостояния и культуры населения. Развертывается конкуренция национальных систем и моделей организации общественной жизни, в которой призовые места, международное уважение, влияние и моральный авторитет завоевывают государства, достигающие лучших результатов по главным показателям социального и экономического прогресса. И не случайно в рамках Мирового экономического форума в Давосе (Швейцария) ежегодно определяется рейтинг стран по национальной конкурентоспособности. При этом во внимание принимаются не только размеры ВВП на душу населения, ежегодные темпы его увеличения, абсолютные величины и динамика других экономических показателей, но и эффективность государственного управления, состояние образования

и здравоохранения, науки и инноваций, преступности и коррупции. Глобализация заставляет лидеров стран и их политическую элиту считаться не только с тем, как складывается соотношение экономической и военной мощи, научно-технических потенциалов государств, но и с их моральным весом и политическим влиянием в международных делах. А здесь многое определяют мудрость политического руководства, действенность демократических институтов, сплоченность общества и его вера в справедливость и эффективность социального устройства. Антидемократические, коррумпированные режимы все более расшатываются под воздействием глобализации и оттесняются на периферию мирового сообщества.

Нет ничего удивительного в том, что возможности и опасности экономической глобализации становятся объектом стратегического планирования во многих государствах. Некоторые из них делают ставку на внешний фактор ускорения роста и модернизации производства и достигают в том успеха. Китай и ряд стран Юго-Восточной Азии активно изучают и обсуждают состояние и перспективы мировой экономики и с учетом этого осуществляют экспортную экспансию. Япония и Южная Корея десятилетиями идут тем же путем.

Россия все еще находится на перепутье в своем отношении к возможностям глобализации. Это проявилось и в вопросах ее вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО). Такое присоединение имеет плюсы и минусы, причем окончательный баланс выявит время. То же можно сказать о наполнении реальным содержанием Соглашения о сотрудничестве и партнерстве с ЕС,

формировании Евразийского общего экономического пространства. Неотвратимый и набирающий силу процесс глобализации требует всестороннего анализа его преимуществ и рисков, и на основе такого анализа — выработки внешнеэкономической стратегии. К сожалению, наша страна еще не имеет ясного видения своего будущего в глобальной экономической системе.

Вполне очевидно, что России должно принадлежать в ней достойное место, обеспечивающее стране максимально благоприятные внешние условия развития. И вместе с тем главным фактором ее экономического благополучия станет, очевидно, не экспортная экспансия, а уникальные возможности расширения внутреннего рынка и регионального евразийского и более широкого евроазиатского сотрудничества. Развитие внутреннего разделения труда и рынка в такой крупной стране, как Россия, не может приноситься в жертву благоприятной, но неустойчивой конъюнктуре на сырье и топливо на мировом рынке. Показательно, что соотношение в экономическом развитии внутреннего и внешнего рынка у таких крупных участников мировой торговли, как, например, США и Япония, складывается в пользу внутреннего рынка. Об этом свидетельствует отношение стоимости их экспорта к ВВП — 10% и 13% в 2008 г. соответственно. В России и Китае из-за недооценки примерно вдвое покупательной силы рубля и юаня по отношению к доллару этот показатель составляет около 30%, а с поправкой на низкий курс их валют — около 15%. В будущем, вероятнее всего, удельный вес внутреннего рынка и внутреннего разделения труда в этих странах продолжит оста-

ваться относительно низким. Глобальный кризис заставил, например, Китай компенсировать значительное сокращение экспорта в годы кризиса расширением внутреннего рынка.

В свете переживаемых мировой экономикой потрясений, в том числе масштабного долгового кризиса и угроз, возникших для евровалюты, активно начал обсуждаться на встречах лидеров 20 стран, а также в рамках ЕС вопрос о наднациональном, через международные организации регулировании внутренних и международных финансов. Однако ответ на вызовы глобализации в этой сфере рождается в муках и спорах. Предлагаемые меры по ужесточению бюджетной политики государств-должников встречают возражения, поскольку ведут к сокращению внутреннего спроса и, следовательно, замедлению экономического роста. Между тем оптимальным решением может быть только стимулирование роста производства. Вопрос о том, как сочетать жесткую экономию с мерами по расширению спроса, остается открытым.

Потребность в реформировании и демократизации, а также в наделении новыми функциями международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, ВТО, Европейский центральный банк и некоторых других, ощущается все более явственно. Нахождение ответа на вызов, который здесь предъявляет глобализация, связано с делегированием части суверенных полномочий национальных правительств международным наднациональным органам. К этому многие страны не готовы. Так, не находит поддержки предложение о введении налога в пользу наднациональных структур на международные

валютные трансакции. Но объективные закономерности развития глобальной экономики будут в дальнейшем все сильнее понуждать к этому.

России предстоит определить свой стратегический подход к этим проблемам. Уже переговоры по поводу вступления в ВТО сделали такую задачу актуальной. ВТО, бесспорно, важный инструмент экономической глобализации, поскольку во многом определяет нормы и механизмы регулирования торговых-экономических отношений. С самого начала предшественник этой организации — Генеральное соглашение о торговле и тарифах (ГАТТ) — возник как клуб ведущих держав, которые были готовы приоткрыть свои рынки друг для друга. Но включив в себя десятки новых участников, преимущественно из развивающейся и бедной части мира, ВТО приобрела универсальный характер. В ней ныне состоит около полутора сотен членов.

Главная функция этой организации состоит в либерализации мировой торговли, то есть освобождении экономических обменов между странами от различных ограничений и барьеров. Она добивается максимального устранения государственного регулирования, ограничивающего свободное движение товаров, услуг, капиталов, включая интеллектуальную собственность, и рабочей силы. Устанавливает в соответствии со своей либеральной идеологией общие правила ведения международной торговли, а также контролирует их соблюдение и разрешает возникающие споры. Командные посты в организации и решающее слово принадлежат фактически США, государствам ЕС, Японии. Их интересы определяют сегодня мировой экономический порядок.

Членство в ВТО дает России возможность участвовать в обсуждении и разработке нововведений в практику международных обменов, использовать существующие в этой организации и обязательные для всех ее членов механизмы разрешения международных торговых споров, рассчитывать на более благоприятные условия продвижения некоторых своих товаров на международные рынки. Нельзя считать нормальным, что ее интересы долгое время оставались не представленными на этом влиятельном форуме. Вместе с тем России нельзя не считаться с ограниченными возможностями своего влияния, поскольку в ВТО решающее слово принадлежит западным державам. Кроме того, ВТО отнюдь не благотворительная организация. Она дает своим членам определенные права и преимущества, но и обязывает их добровольно жертвовать частью национальных интересов. Баланс складывается, как правило, с большим плюсом для стран, обладающих сильными конкурентными позициями на мировых рынках. Малые и бедные страны не в состоянии изменить суть проводимой ВТО политики. Это вызывает критику с их стороны, рождает предложения по реформированию данной организации. Взяв на себя обязательства по соблюдению установленных ВТО правил и процедур, Российское государство ограничит ряд своих регулирующих функций. Конечно, глобализация по модели ВТО отнюдь не самый лучший путь участия России, Китая и многих других стран в мировой экономике. Но другого выбора пока нет. Эта и родственные ей международные экономические организации рано или поздно вынуждены будут откликнуться

ся на стремление все большего числа стран к демократизации международных экономических отношений.

В соответствии с действующим в рамках ВТО соглашением по субсидиям и компенсационным мерам члены организации берут на себя обязательство отказаться от государственного стимулирования отечественного производства и экспорта. В ходе переговоров о вступлении в ВТО Россия добивалась компромисса в отношении мер экономической политики, влияющих на условия конкуренции как на внешнем, так и на внутреннем рынках. Мы не могли оставить беззащитными от внешних конкурентов сельское хозяйство и ряд других жизненно важных отраслей обрабатывающей промышленности. Иначе стране грозит участь остаться топливно-сырьевым придатком индустриально развитого мира, быть зависимой от превратностей мирового рынка и импорта необходимого оборудования и продовольствия. Будут ли достаточны достигнутые соглашения? Десятилетний опыт членства в ВТО Китая говорит о том, что ему приходится, соблюдая формально букву соглашения о вступлении в ВТО, находить меры защиты своей экономики, которые расходятся с политикой этой организации.

Ряд соглашений ВТО не требует обязательного присоединения к ним ее членов, оставляя за ними право добровольного выбора. Это относится, например, к соглашениям по торговле гражданской авиатехникой и по информационным технологиям. Тем не менее ряд государств-членов обуславливал свое согласие на принятие России в ВТО подписанием ею таких соглашений, лишаящих соответствующие отрасли

защиты и поддержки со стороны государства. Негативные последствия могло иметь навязываемое нам серьезное снижение или даже отмена импортных тарифов на продукцию электроники, автомобиле- и авиастроения. Особенно губительно это для отечественного гражданского авиастроения. Беспощадный ввоз подержанных авиалайнеров, продаваемых или передаваемых в лизинг по бросовым ценам, способен лишить рынка отечественные заводы и затруднить их модернизацию. Еще одним формально необязательным, но настоятельно предъявляемым России некоторыми партнерами требованием являлась отмена экспортных таможенных пошлин на нефть, природный газ, некоторые металлы и сырьевые товары. Одновременно России предлагалось последовательно приближать внутренние цены на эти виды своей продукции к мировым. Осуществление таких рекомендаций лишит нашу страну ее конкурентных преимуществ. Специалисты предупреждают, что в случае выравнивания внутренних и мировых цен только на энергоносители объем выпускаемой в России химической и металлургической продукции может сократиться вдвое, а машиностроительной — до четверти из-за роста издержек производства и падения спроса вследствие роста внутренних цен. Все это означает, что, вступив в ВТО, Россия не может полностью разоружиться перед экспортной экспансией промышленно развитых стран.

Отвечающая российским интересам перестройка мирового экономического порядка предполагает максимизацию преимуществ глобализации и минимизацию ее отрицательных сторон. С этой же задачей сталкиваются и мно-

гие другие государства. История вновь, как и в 70-е гг. прошлого столетия, выдвигает на повестку дня ООН и международного сообщества меры по демократизации международного экономического порядка, по адаптации международных экономических и политических отношений, а также внутренней политики стран мира к происходящим серьезным сдвигам в человеческом жизнеустройстве.

Примечания

---

1. David Held, Anthony McBrew, David Goldblatt, Jonathan Perraton. *Global Transformation. Politics, Economics and Culture*. Polity Press 1999, p. 2.
2. *World Economic Outlook*, IMF, September № 11, p. 2, 178, 194.
3. *The Economist*, July 28-th 2009.
4. *Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy*. Joseph Stiglitz, Norton, pp. 361, 2009.
5. *The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies*. UN, New York, 2009. P. III.
6. *The Economist*, October 4-th 2008. P. 2.
7. *The Economist*, October 11-th 2008. A special report on the world economy. P. 6.
8. *The Economist*, October 11-th 2008. A special report on the world economy. P. 33.
9. Ibid.
10. *The Economist*. 2010. January 23–29. P. 22.
11. Bremmer I. *The End of the Free Market: Who Wins the War Between State and Corporations*. Penguin Group, New York, 2010.
12. Halper S. *The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century*. Basic Book, New York, 296 p.
13. Stiglitz J. *Ideological Crisis of Western Capitalism*. URL: <http://www.project-sidicate.org/series/>
14. Jacques Attali. *La crise, et après?* P.: Fayard, 2009. (Русск. перев.: Амтали Ж. *Мировой экономический кризис... А что дальше?*. СПб.: Питер, 2009. С. 7, 129).
15. Stiglitz J. *Ideological Crisis of Western Capitalism*. URL: http://www.project-sidicate.org/series/unconventional_economic_wisdom
16. Ссылка на книгу Богомолова «Неэкономические грани экономики...»
17. *World Economic Outlook, Supporting Studies* IMF. 2010. P. 35.
18. *The Millennium Project*. 2010. State of the Future. P. 16.
19. Ibid.
20. *The Millennium Project*. 2010. State of the Future. P. 16.